

В предшествующей статье нами было отмечено отсутствие украинизмов в «Венце Димитрию» (ТОДРА, XIII, стр. 309). Это, очевидно, говорит против кандидатуры Ивана Мальцевича в качестве автора этой школьной драмы. Остается один только Евфимий Морогин, так как вопрос о третьем учителе Ростовской школы, как видно из документов, решается отрицательно.

Кто бы, однако, ни был автором «Венца Димитрию», это был человек, хорошо усвоивший школьную образованность конца XVII—начала XVIII в. Он обнаруживает обстоятельное знакомство с античной мифологией. Это отразилось в антипрологе, в котором Многобожие препирируется с Православием. При этом Многобожие перечисляет не только таких богов, как Крон (Хронос), Зевес, Феб, Арей, Ермий (Гермес), Асклипий, Ерот, Дионис, Ираклий, Аполлон, но и Ира (Гера), Артемида, Персефона, Афина, Помона, Флора и Церес и даже Имармена (богиня счастья), имя которой встречается у писателей XVII в., в частности у Симеона Полоцкого.⁴

Построение «Венца Димитрию» в строгом соответствии с требованиями школьной пиитики также служит доводом в пользу естественно возникающего предположения о том, что автор этой школьной драмы был выходцем из Славяно-греко-латинской академии. Известно, что в 1701 г., за год до возникновения Ростовской школы, в Славяно-греко-латинской академии стали «уготовляться диалоги», т. е. начались театральные представления.⁵ Вполне вероятно, что Евфимий Морогин, назначенный в 1702 г. учителем в Ростовскую школу, принимал участие в спектаклях Славяно-греко-латинской академии и усвоил применявшуюся там технику театральные пьес и постановок.

Евфимий Морогин преподавал в Ростовской школе русский язык,⁶ или, как тогда назывался этот предмет, «грамматику», и вполне естественно, что именно он, а не украинец Иван Мальцевич, учитель латинского языка, был автором «Венца Димитрию». Да и в заглавии пьесы имеется прямое указание на то, что автором был именно он: «Венец Димитрию ... от смиренных ... питомцов, грамматики учащихся младенцев, стихословне от двенадцатоцветов сплетенный...». Никаких более существенных сведений о Е. Морогине нам найти не удалось.

Можно было бы предположить, что автором пьесы было другое лицо. Дело в том, что одно время существовало мнение, будто среди учителей Ростовской школы был более или менее известный литературный деятель начала XVIII в., некий Иоаким Богомолевский, или Богомолевский, который якобы преподавал здесь риторику,⁷ но, во-первых, эти сведения относились к 1709 г., т. е. ко времени, значительно более позднему, чем состоялась постановка «Венца Димитрию», а во-вторых, как убедительно показал Д. Савицкий, Иоаким Богомолевский вообще не был преподавателем Ростовской школы.

⁴ Слово «Имармения» попало даже в азбучовники. См.: И. Я. Порфирьев. История русской словесности, изд. 5-е. Казань, 1891, ч. 1, стр. 302, прим. 1 («... подробное сказание о судьбе, еже есть фатум и имармения»).

⁵ Письмо Стефана Митрополита Рязанского к Головину о диалогах в Московской славяно-греко-латинской академии. — ЧОИДР, 1892, IV, отд. «Смесь», стр. 27; ср.: ТОДРА, XI. М.—Л., 1955, стр. 289.

⁶ И. А. Шляпкии. Св. Димитрий Ростовский..., стр. 330.

⁷ Там же, стр. 330, 339; Д. Савицкий. Русский гомилет начала XVIII в. Иоаким Богомолевский. Киев, 1902, стр. 90—95 (работа эта первоначально печаталась в «Грудах Киевской духовной академии», 1902, кн. VIII—XI; здесь автор назван Д. Савицкий).